

У. Аутвейт
ТОМ БОТТОМОР: IN MEMORIAM*

Уильям Аутвейт — доктор философии, профессор университета Сассекс, Брайтон (Англия).

---

* Перевод и предисловие кандидата философских наук С.П. БАНЬКОВСКОЙ

Том Боттомор, ушедший из жизни в конце 1992 года в возрасте 72 лет, был одним из наиболее известных и почитаемых британских социологов. Его многочисленные книги читали все — от специалистов до студентов-первокурсников. Они служили надежным руководством для освоения предметной области социальной науки и соответствующей литературы. Он привнес в британскую социологию интерес к социальной теории, в особенности марксистской (но и не только марксистской), и обратил внимание научной общественности на так называемый третий мир. Боттомор сумел найти практическое применение своему интернациональному подходу к решению проблем социологической науки: многолетняя упорная работа Боттомора в Международной социологической ассоциации, президентом которой он был с 1978 по 1982 годы, способствовала ее успешной деятельности.

Том Боттомор родился в 1920 году. Образование он получил в Ноттингеме (Средняя Англия); уже там у него проявился интерес к социализму, который предлагал средства для преодоления нищеты локальных сообществ в районах угледобычи, от экономической депрессии и набиравшего силу фашизма. Некоторое время Боттомор был членом Коммунистической партии, благодаря чему он — знаток североамериканской социальной мысли — никогда не имел легальной возможности посетить США. (Живя в Канаде, он время от времени заезжал в Америку, но при этом отказывался заполнять, по требованию визовых органов США, специальную анкету и таким образом, как он однажды высказался, "доносить на самого себя".)

Готовясь к получению университетской степени по экономике и одновременно участвуя в работе военных комитетов в Лондоне, Том Боттомор получил пост в Британской военной администрации в послевоенной Вене, которую он полюбил. Там Боттомор занимался экономической статистикой. По возвращении в Великобританию он изучал социологию в Лондонской школе экономики у социолога-эволюциониста Мориса Гинсберга, написав диссертацию по теориям прогресса. Дневниковые записи того времени свидетельствуют, что он не питал иллюзий насчет сталинизма, но и не терпел нарочитого антикоммунизма некоторых профессоров LSE: "Я пришел к выводу, — писал Боттомор, — что многие из тех, кто громогласно выступает против коммунизма, сумели бы прекрасно приспособиться к нему и занять свое место в его иерархии"¹. Он не особенно восторгался книгой Джорджа Оруэлла "1984", опубликованной в 1948 году: "Попробуйте дать серьезную критику советской системы", — говорил Боттомор. Ему же принадлежит и незабываемая шутка о том, что если даже построение социализма в одной стране возможно, то лучше во время этого процесса жить в другой стране.

Стремясь продолжить изучение "социологии, экономики, философии и литературы"² [1], Том Боттомор получил стипендию фонда Рокфеллера. Его

---

¹ Я глубоко признателен Кэтрин, Элеонор и Стефену Боттоморам за комментарии к этой статье и за любезное разрешение цитировать личный дневник Т. Боттомора.

² Том не терял интереса к философии, подписываясь на два философских журнала, и к литературе, особенно к творчеству Роберта Музиля и Вирджинии Вульф.

"коммунистическое прошлое" не позволяло ему работать непосредственно в США, поэтому ему было разрешено получать стипендию в Париже. Со своей будущей женой Мэри он жил и работал в Париже с 1951 по 1952 год; его занимала в это время теория марксизма, а также кооперативы рабочих; одновременно он вел исследовательский проект по изучению французской высшей государственной службы [2].

В это же время он работает над "Избранными трудами по социологии и социальной философии" (1956) Маркса, редактируемыми совместно с М.Рубелем; этот сборник до сих пор остается, наверное, лучшим введением в марксистскую теорию на английском языке. Кроме того, в 1963 году он издал перевод ранних трудов Маркса. Вернувшись к лекционной работе в Лондонской школе экономики, Том стал секретарем Международной социологической ассоциации (с 1953 по 1959) и объездил всю Европу, организовывая конференцию ЮНЕСКО 1958 года в Москве.

Одна из его наиболее значительных книг "Классы в современном обществе" [3] была издана в 1955 году и переиздана в 1965 и 1991. Шестимесячная поездка в Индию наложила свой отпечаток на его учебник по социологии для магистров, к тому же она стала свидетельством столь редкой для британской социологии того времени восприимчивости к проблемам глобального развития. Затем вышла его превосходная книга "Элиты и общество" [4] (1964, 2-е издание 1993), о которой Том писал в своем дневнике как о своей любимой книге.

С 1965 по 1967 годы Том преподавал в новом канадском Университете Саймона Фрейзера (Ванкувер), наслаждаясь и в то же время раздражаясь радикализмом, царившим в университетском городке в то время. Его выступления по радио об общей традиции радикализма в Северной Америке были опубликованы в 1967 году под названием "Критика общества"[5]. В том же году Том вернулся в Великобританию в новый университет — университет Сассекса в Брайтоне, где и оставался (за исключением коротких периодов пребывания в Канаде) до выхода на пенсию. Будучи президентом Британской социологической ассоциации (с 1969 по 1971), он являлся также вице-президентом Международной социологической ассоциации и председателем ее исследовательского комитета; в этом качестве он стал инициатором основных издательских начинаний.

В 70-е и 80-е годы Боттомор издал множество работ: сборник статей о Карле Марксе (1973), затем "Современные интерпретации Маркса" (1988) [6], книгу "Марксистская социология" (1975), очерки "Социология как социальная критика" (1975) [7] и "Социология и социализм" (1984) [8], был редактором (совместно с Патриком Гудом) неопубликованной книги об австромарксизме (1978) [9], в 1979 опубликовал блестящий учебник "Политическая социология" (2-е издание 1993) [10]. В начале семидесятых Боттомор также работал над переводом "Философии денег" Г.Зиммеля, который был завершен Дэвидом Фризби и издан в 1978 году. Он также повторно перевел "Финансовый капитал" Р.Гильфердинга (1981) [11], а наш совместный перевод классического эссе Карла Левита "Макс Вебер и Карл Маркс" (1932) вышел в 1982 году (переиздан в 1993) [12]. Восемидесятые годы были отмечены завершением (в 1983) его замечательного "Словаря марксистской мысли" (переиздан в 1991) [13] и началом (в 1986) нашей совместной работы над "Словарем социальной мысли двадцатого века" для Блэкуэлла, который вышел в свет вскоре после смерти Боттомора [14].

Небольшая книга о Франкфуртской школе (1984) [15] вызвала восхищение как в Германии, так и в англоязычном мире. Затем Том обратился к экономической социологии, опубликовав "Теории современного капитализма" (1985) [16], "Социалистическая экономика: теория и практика" (1990) [17] и анализ работ Шумпетера "Между маржинализмом и марксизмом: экономическая социология Й.А.Шумпетера" (1992). Под его редакцией (совместно с Робертом Бримом) вышел весьма значительный сборник "Капиталистический класс" (1989) [18]. Поразительная работоспособность Тома еще более возросла с его уходом на пенсию из Сассекского университета в 1985 году, что

было воспринято им с нескрываемым удовлетворением: "Как здорово, что теперь я совершенно свободен". Посвященный ему юбилейный сборник "Социальная теория и социальная критика" с материалами конференции, которую организовала в Сассексе Джилиан Роуз, вышел в 1987 году.

В конце 1986 года его постигло несчастье — внезапно заболела и умерла его жена Мэри. В 1987 он постепенно возобновил работу, посетив с лекциями Испанию. С этого времени он много раз ездил в Испанию и Грецию и стал интересоваться политическим развитием Южной Европы; он также начал работу над журналом "Socialismo del Futuro". Осенью того же года Брайен Тейлор и я интервьюировали Боттомора для журнала "Theory, Culture and Society" [19, pp.385-402].

По завершении различных переизданий ("Элиты и общество", "Классы" и "Политическая социология") Том приступил к работе над двумя книгами: одна была посвящена понятию планирования — теме, всегда интересовавшей его, а другая — социалистической демократии, эту книгу он начал писать в октябре 1992 и работал над ней вплоть до своей внезапной кончины 9-го декабря. На примере этой рукописи, которая несомненно стала бы одной из значительных книг Тома, хорошо видна его манера писать. Среди тщательно подобранных книг, журналов и ксерокопированных статей мы нашли первую главу и начальные страницы второй главы, аккуратно, почти без исправлений написанной и заканчивающейся на середине следующего предложения. Русскому читателю это окончание может показаться особенно примечательным: Том здесь пишет о том, что Каутский "предвидел вполне отчетливо процесс дегенерации большевистской революции в партийную диктатуру".

Том Боттомор был замечательным ученым, преподавателем, коллегой и другом. Его влияние, как личное, так и научное, простиралось по всему миру, но оно имело известные ограничения. Он никогда не думал создавать свою школу. Его бывшие студенты придерживались самых разных научных и политических взглядов; завершая свою юбилейную конференцию, он заметил, посмеиваясь, что он рад, что не все его ученики стали марксистами. Дневниковая запись от ноября 1949 года, где он описывает свои впечатления от встречи с человеком, предлагавшим ему сотрудничество, показывает, что уже в начале карьеры проявилось его неприятие поучительства:

"С первых же слов стало очевидно, что ему нужен именно ученик... С каждым днем меня все больше поражает, как широко распространено поучительство — желание некоторых людей навязывать свои учения... Я решил для себя никогда не принимать свои убеждения и теории слишком серьезно, всегда быть готовым признать свои ошибки, не принадлежать к организациям с жесткой идеологией, никогда не поддаваться догмам, писать обтекаемо, но не туманно. Но это не означает, что я плыву по течению; у меня есть основополагающие ценности, которых я придерживаюсь, например — равноценность всех людей, их свобода (и соответственно протест против иерархий и деспотизма)."

Временами Том испытывал характерный для социального ученого комплекс неполноценности, однако из следующего его высказывания видно, как он умел придать этому положительный оборот:

"Посмотрел прекрасную постановку Би-Би-Си документального спектакля про Крика, Уотсона и др. и открытие структуры ДНК и перечитал "Двойную спираль". Это заставило меня задуматься над тем, как мало возможностей для открытий в социальных науках. Меня это занимало в особенности еще и потому, что Уотсон жил в Париже в апреле 1952 — как раз в то время, когда и мы с Мэри были там, — а потом еще и в марте 1953, после открытия. А какие открытия делал я? В лучшем случае — новый аспект в марксовых "Экономическо-философских рукописях", распространению которого в англоязычном мире я впоследствии способствовал. Однако есть, по крайней мере, один положительный результат этого признания неадекватности социальных наук (и моего скромного вклада в них), а именно — как и в естественных науках, здесь важно обнаружить некоего рода структуру (что в конце концов и сделал Маркс), даже если она

всегда размыта, сомнительна и т.п. Без этого все сводится к игре слов, остроумным замечаниям, толкованиям идеологий и т.д." [20].

Вряд ли Том претендовал на открытие хотя бы одной совершенно новой структуры, но его работа заключалась прежде всего в упорядочивании и сопоставлении существующих концептуальных моделей и структур: теории элит и классовой теории, марксизма и (остальной) социологии, и более всего — марксизма и современной реальности. Умение упорядочивать, которое проявляется, например, в его прекрасно сделанных статьях для двух блэкуэлловских словарей, было непременным атрибутом и его преподавательской деятельности: несколькими быстрыми, но не торопливыми ходами он придавал какому-нибудь сырому проекту четкую концептуальную структуру и основной библиографический аппарат.

Том был кем угодно, только не ортодоксальным марксистом. Когда я спросил его в интервью для журнала "Theory, Culture and Society", верит ли он в диалектику, он ответил, что никогда на самом деле не понимал, что означает этот термин. Для него марксизм был социологической теорией и политическим проектом, но о действенности и того, и другого надо судить на основании практики, включая и то, что Альтюссер называл (хотя я уверен, что Том не любил этот термин) "теоретической практикой". Наиболее неортодоксальным в понимании марксизма у Тома было утверждение о различии факта и ценности (которое, однако, предвосхитил неокантианский австромарксизм). Во многих отношениях он был почетным австромарксистом, его привлекало в австромарксизме сочетание экономической строгости, политической чувствительности и теоретической открытости и гибкости. И хотя он был весьма доброжелательно настроен в отношении работ Роя Эджли, Иштвана Месароша и Роя Бхаскара, Том не причислял себя к их кругу.

Сейчас с трудом припоминается, насколько мало изучали социологическую теорию в Великобритании в первые послевоенные десятилетия. Работа Тома над Марксом, начавшаяся в шестидесятых, а также появление превосходной книги Стивена Льюкса о Дюркгейме (1973), книги Энтони Гидденса "Капитализм в современной социальной теории" (1971) о "святой троице" — Марксе, Дюркгейме, Вебере — выглядели весьма непривычно в стремлении серьезно заниматься классической социальной теорией. В особенности же это относилось к марксизму, который, несмотря на значительную работу, проделанную в марксистской истории и теории, представлялся не более, чем своеобразным интеллектуальным украшением советского коммунизма. Очевидно, что именно в Париже начала пятидесятых Том понял, насколько более серьезно следует относиться к марксову учению как к предмету исследования и как к руководству по осмыслению современности. (Просматривая книги Боттомора после его смерти, я был поражен количеством работ французских марксистов, упоминаемых с большим почтением в его исследованиях, наряду с произведениями Маркса—Энгельса.)

Оживление и распространение марксистской социальной теории (наверное, это основное достижение Тома в Великобритании) представляли собой лишь главное направление более общего устремления к депроvincialизации британской социологии — как ее теоретических возможностей, так и ее основополагающих интересов. Том, вероятно, был более счастлив, работая за рубежом; его интеллектуальный и практический интернационализм и "охота к перемене мест" определили его стратегическое положение наравне с великими иммигрантами, в значительной мере сформировавшими британскую социологию во второй половине двадцатого века — Норбертом Элиасом, Ральфом Дарендорфом, Джоном Рексом, Илией Нойштадтом, Стюартом Холлом, Зигмунтом Бауманом и многими другими. В то время, когда он вернулся в Британию, в 1967 году, все двери интеллектуальных и политических институций, куда он только стучался, открывались широко; это был замечательный период теоретической реконструкции, вызванной отчасти текущим политическим моментом. В этой ситуации, так же как и ранее в университете Саймона Фрейзера, проявились одновременно и умеренность, и радикализм Тома, указывавшего на сродство между марксизмом и другими вариантами

социальной теории и защищавшего серьезную интеллектуальную работу от обвинений в элитизме.

К началу девяностых годов ситуация вновь изменилась; одно из последних появлений Тома на публике состоялось на конференции по перспективам радикальной мысли и политики в 90-х годах, организованной студентами Сассекского университета. Он принял живое участие в сессии под названием "Постмарксизм и социальная демократия" и энергично отстаивал марксизм как социальную теорию, анализирующую капиталистическое развитие и классовую структуру, а также некоторые предпосылки социализма, который он по-прежнему считал желательным и возможным исходом этого развития. Его книги о социалистической демократии и планировании, несомненно, развили бы эту тему.

Таким образом, если собственно работа Тома отличается замечательной последовательностью, то ее результаты следует толковать на основании изменяющегося исторического контекста в Великобритании и других странах.

* * *

Как я уже упоминал, на ранние политические взгляды Тома "повлияла нищета, которую <он> видел в шахтерских поселках... подъем фашизма и гражданская война в Испании, явное приближение всеобщей войны и отвратительная практика британского правящего класса и др." Тому, как и многим представителям его поколения, служба в армии во время и сразу же после войны дала возможность читать и размышлять. "Должно быть, где-то в 1943-1944 году я действительно соединил экономику и марксизм, что позднее и стало марксистской социологией". В ноябре 1949, как вспоминает Том, он написал очерк о социализме и федерализме, следя за обсуждением этой проблемы в Валенсии, во Франции, у европейских федералистов. В то время он писал: "Чем больше я читаю и открываю для себя, тем меньше я уверен насчет социализма в действии (если взять советский пример) и насчет того, сможет ли он удовлетворить нас, если он все же дееспособен. Поэтому не перехвалите меня".

В дневниковой записи от ноября 1949, процитированной выше, Том вспоминает свою приверженность "некоторым основополагающим ценностям... таким, как примерная равноценность людей, их свобода (отсюда — протест против иерархий, деспотизма)". В заключительной главе первого издания "Элиты и общество" — книги, которая, по выражению Этторе Альбертони, "сосредоточивает свой анализ в точке пересечения политических направлений столетия" — он выступает со сдержанной, но энергичной критикой антиэгалитаризма теории элит. Демократия, пишет Боттомор, — "предполагает значительную степень равенства между людьми: как в том смысле, что все взрослые члены общества должны иметь, насколько это возможно, равное влияние на принятие решений, затрагивающих важные стороны жизни общества, так и в том смысле, что неравенства в достатке, социальном статусе, образовании или доступе к знаниям не должны быть настолько значительны, чтобы обуславливать постоянное подчинение одних индивидов и групп другим в различных областях социальной жизни или создавать существенное неравенство в реальном использовании политических прав" [4, с.101].

Эгалитаризм основывается на том, что естественные (природные) различия между индивидами относительно не значимы по сравнению с общими для них характеристиками и потребностями, а также на том, что неравенство социальное и неравенство естественное — разные вещи, и поэтому приверженность равенству или неравенству обусловлена моральными или социальными идеалами. Для эгалитаристов "окончательное оправдание нашего выбора не имеет значения как таковое, но представляет собой обоснованное утверждение того, что стремление к равенству может создать более достойное общество. Говоря "мы", я имею в виду людей, живущих в обществах двадцатого века, ибо во все предыдущие эпохи трудно было выработать практическое представление о стабильной и устойчивой форме общества при отсутствии безопасности в экономической жизни и

эффективных средств коммуникации, при недостаточном образовании и знаниях о социальной структуре и природе индивида. Только в двадцатом веке впервые появились возможность и средства оформить человеческую жизнь в соответствии с человеческими желаниями, именно поэтому двадцатый век вселяет в нас и надежду, и страх." [4, pp.102-103].

Как утверждал Михельс и другие теоретики элитизма, Маркс не сумел предвидеть "возможность того, что при определенных обстоятельствах в обществе, наследующем капитализму, могут появиться новые социальные различия и новый правящий класс, а их критика приобрела новые неоспоримые аргументы ввиду опыта СССР и стран Восточной Европы при сталинизме" [4, p.107]. Но это не исключает возможности более эгалитарного децентрализованного общества, которое могло бы умерить авторитарные и иерархические тенденции, присущие как капитализму, так и обществам с коллективистской экономикой, а точнее — индустриальным обществам" [4, pp.108-111].

Элитисты основываются на понятии равенства возможностей, но это понятие "внутренне противоречиво": "Равенство возможностей, в обыденном смысле этого слова, предполагает неравенство, поскольку "возможности" — это "возможности подняться на более высокий уровень в стратифицированном обществе". В то же время оно предполагает и равенство, ибо подразумевает, что неравенства, воплощенные в этом стратифицированном обществе, должны преодолеваются каждым поколением с тем, чтобы индивиды действительно могли развить свои личные способности; любое исследование условий для осуществления равенства возможностей в сфере образования, например, свидетельствует, насколько сильное и всеохватывающее влияние на жизненные шансы индивида оказывают запечатлевшиеся отличительные черты социального класса. Равенство возможностей может осуществиться только в бесклассовом и в безэлитном обществе, само это понятие станет тогда одиозным, ибо равные для всех индивидов жизненные шансы в каждом последующем поколении станут первостепенной задачей, а идея возможностей будет означать не борьбу за продвижение в высший социальный класс, но возможность для каждого индивида развить в полной мере свои личные интеллектуальные и иные качества в непринудительной ассоциации с другими" [4, p.117].

Том пересказывает это свое эгалитаристское положение в более глобальных понятиях в очерке "Капитализм, социализм и развитие" из работы "Социология как социальная критика". Задаваясь вопросом, "до какой степени политика социального развития в коммунистических странах может... представлять реальную альтернативу, т.е. социалистическую альтернативу, экспансии капитализма" [7, p.67], он поднимает еще более фундаментальный вопрос: "Как можно оценить социалистический потенциал обществ, в которых общественная форма собственности на основные средства производства и социалистическое планирование сочетается с авторитарной и зачастую репрессивной политической системой" [7, p.68]. Том отвечает на эти вопросы следующим образом: "Существует много путей развития, как и много путей к социализму. Мне представляется, что наиболее универсальной их характеристикой является сильное стремление к равенству, которое, беря начало в капиталистических обществах девятнадцатого века, распространилось сегодня, захватив все человечество... В основе стремления к развитию и интереса к отношениям между богатыми и бедными странами лежит... фундаментальная проблема равенства между людьми; действенная и эффективная политика глобального развития станет возможной лишь поскольку эта проблема будет рассматриваться во всех ее разновидностях и в той мере, в какой политические решения будут приниматься с учетом этой проблемы" [7, pp. 70 сн.].

В заключительной главе книги "Перспектива радикализма", написанной к юбилею Эриха Фромма, после революционного движения 1968 года на Западе, Том хладнокровно отмечает слабость любого позитивного подхода "в современной радикальной мысли. Если попытаться найти причину этой слабости, то трудно не прийти к выводу, что ею является разочарование в социализме, начавшееся в конце тридцатых годов и усиленное развитием

советского варианта социализма в послевоенные годы — от последних лет сталинского террора до Realpolitik военной оккупации Чехословакии. Теперь радикальным мыслителям нужно критиковать и капитализм, и социализм как существующие социальные формы, и они зачастую поддаются искушению направить основной удар критики против индустриализма как такового. Идея альтернативной формы общества становится весьма смутной, ибо то, что однажды представлялось идеалом — социализм, — теперь существует как проблематичная реальность. Чтобы справиться с этой ситуацией, мы должны, что многие уже и пытаются делать, переосмыслить социализм — как в понятиях институтов, соответствующих эгалитарному обществу, так и в понятиях социальных движений и политических действий, способствующих достижению социализма без искажающего его насилия и подавления".

Несколькими годами позже в очерке "Социализм и рабочий класс", написанном для книги Лешека Колаковского и Стюарта Хемпшира "Социалистическая идея: переоценка" [21] и переизданном в работе "Социология и социализм", Том делает некоторые выводы из слов Альбрехта Веллмера ("Kritische Gesellschaftstheorie und Positivismus") о том, что "поскольку сама история развенчала все надежды на экономически обоснованный механизм освобождения", то более важными становятся, соответственно, надструктурные процессы. Отсюда Том делает три вывода. Во-первых, о том, "что период созревания социалистического общества является гораздо более длительным, чем предполагали ранние социалисты, включая Маркса". Во-вторых, о том, "что деятельность интеллектуалов, социокультурная критика будут нарастать по мере продвижения к социализму".

В-третьих... о том, что нет не только экономически обоснованного механизма эмансипации, но и вообще никакого подобного механизма. Надо полностью отказаться от этого элемента в марксизме и в некоторых других социалистических теориях, трактующих переход от капитализма к социализму как историческую необходимость. Социализм — это лишь возможный вариант будущего. Весь двадцатый век свидетельствует о том, насколько многочисленны и многообразны препятствия на пути движения к социализму: это и концентрация политической власти у одной партии или у бюрократии (что тем более облегчается там, где крупные предприятия находятся в общественной собственности), и одержимость идеей экономического роста, растлившей социалистическую мысль как таковую, и быстрый рост народонаселения и перенаселенность городов, и кричащее неравенство между государствами, конкуренция и конфликты на почве государственных интересов.

Наверное, само слово "социализм" настолько дискредитировало себя ассоциациями с авторитарными режимами, с централизованным планированием, с одержимым стремлением к технологическим инновациям и экономическому росту, что оно более не годится для описания целей движения за освобождение в двадцатом веке. Но до тех пор, пока не найдено новое понятие, мы должны обходиться этим, учитывая, однако, что оно всякий раз нуждается в интерпретации, адекватно выражающей идею освобождения, т.е. создания социального порядка, устанавливающего для всех людей максимально возможное равенство в доступе к экономическим ресурсам, знаниям и политической власти и минимально возможное господство одних индивидов или социальных групп над другими [8, pp. 189 сн.].

Во введении — "О взаимосвязи между социологией и социализмом" — к этой книге, он занимает столь же осторожную позицию. Рассматривая исторические и концептуальные связи социологии и социализма, Том заключает, что "они принадлежат к совершенно разным сферам. Социализм как мысль и действие происходит из политических интересов и ценностей; социология же как форма знания — из научных интересов. Но социология, как и другие науки (в особенности социальные), с необходимостью существует в среде, насыщенной политическими ценностями, и вполне законно может руководствоваться социалистическим мировоззрением, которое некоторым

образом участвует в определении основополагающего представления социологии о человеческой природе и об обществе и в определении ее основных исследовательских тем. В открытом, демократическом социалистическом обществе, так же как и в капиталистическом, социологии должна принадлежать важная роль (и по всей вероятности весьма важная) в критическом исследовании реальных социальных отношений и их развития. Самым подходящим для социологии как научной дисциплины девизом мог бы стать излюбленный Марксом *De omnibus dubitandum* (сомневайся во всем) [8, pp.9-10]. В то время, когда была опубликована "Социология и социализм", Том работал над "Франкфуртской школой", и ему уже не терпелось приступить к более существенным темам, которые впоследствии воплотились в "Теориях современного капитализма" и в "Социалистической экономике". В последней книге он более детально излагает свою критику тех путей, которыми социалистическая теория и практика пришли к чрезмерному увлечению экономическими вопросами: "Социалистическая экономика служит социалистическому обществу, и для того, чтобы рационализация производства обеспечивала все нарастающий поток материальных благ, она не должна иметь абсолютного приоритета, несмотря на соображения об условиях труда и рабочем дне, проблемах окружающей среды и истощения природных ресурсов, или же о том, насколько благоприятно все произведенное влияет на качество жизни и уровень цивилизованности" [17, p.6]. Отвергая утверждение Шумпетера ("Капитализм, социализм и демократия"), что социализм настолько "культурно неопределен", что его можно охарактеризовать только в экономических понятиях, Боттомор подчеркивает разнообразие возможных "социализмов": "Социализм, как и любая человеческая деятельность или форма жизни, является историческим феноменом; никто не может с полной ответственностью претендовать на детальное предсказание путей его развития..." [ibid., p.7]. В конце первой главы "Образ девятнадцатого века" он пишет: "Для того, чтобы оценить современное переосмысление и реструктурирование социализма, нам не нужно занимать крайних позиций: одна из них упрямо цепляется за идею внезапного и чудесного преобразования человеческой природы и общества "на следующий день после революции"; другая же отвергает чуть ли не всю прошлую историю вместе с каким бы то ни было утопистским видением мира в пользу приспособления к тому, что представляется возможным, непосредственно сейчас или в ближайшем будущем. Не следует также бояться нынешних переоценок и реформ или рассматривать их как симптомы глубокого и, вероятно, окончательного кризиса. Социализм, как и капитализм, — это историческое явление, подверженное различного рода изменениям и процессам развития и упадка; каждое поколение вынуждено сталкиваться с новыми ситуациями, проблемами и возможностями (большой частью унаследованными, без сомнения, от прошлого).

Никто не может сколь-нибудь точно предсказать, какой мир унаследуют люди через сто лет, если еще будет что унаследовать; но мы можем, я думаю, быть уверены, по крайней мере, в том, что образ социализма, сформированный в девятнадцатом веке, стал устойчивой частью содержания человеческого разума, и что социалистическая мысль и социалистическая практика, как бы глубоко они ни были модифицированы новым опытом, сохранят свое мощное влияние надолго" [17].

В этой книге, написанной в 1988 — начале 1989 гг., Том не предсказывал внезапного краха социалистических режимов в европейских странах, хотя и отмечал стечение серьезных экономических и политических проблем [17, p.68] и "возможное... появление влиятельных прокапиталистических сил, ориентированных на реставрацию или частичную реставрацию капитализма" [17, p.72]. Он предвидел и надеялся на более умеренное преобразование, включающее политическую демократизацию и децентрализацию принятия экономических решений, которое бы практическим и рациональным образом выработало форму собственности на производительные ресурсы и точное соотношение рынка и планирования.

Том не комментировал в своем дневнике революции 1989 года, хотя и заметил в июньской записи 1990 года (к тому времени он закончил рукопись нового издания "Классов в современном обществе"), что он смог дополнить его анализом этих перемен. Он писал, что его особенно "угнетает" в этой ситуации "разрушение социализма (не сталинизма, который давно пора было разрушить, но какого бы то ни было демократического социализма) почти во всей Восточной Европе". Том весьма дальновидно проанализировал становящиеся структуры посткоммунистических обществ: "Националистические движения и возврат к капитализму понятны как, большей частью, негативная реакция на сорокалетний (и еще дольше в Советском Союзе) опыт авторитарных, сталинистских и несталинистских режимов, которые окончательно опорочили саму идею социализма. Но национализм и неокapитализм породят новые конфликты или же вернут прежние, и в этих восстановленных капиталистических обществах будет восстановлена и классовая политика. Преобразование восточноевропейских обществ... воспроизводит... все проблемы и конфликты, порождаемые неравенством богатства и доходов, классовым господством, экономическими колебаниями и неуверенностью, вездесущей безработицей" [17, pp.97-98].

Ранее, в книге "Социалистическая экономика", когда реставрация капитализма казалась возможной лишь в отдаленной перспективе, Боттомор отмечал, что такое развитие событий подрывает изначальное марксистское понятие одностороннего необратимого движения к социализму [3, p.98; 16, p.72]. Однако основное содержание работы Маркса состояло в реалистическом анализе происхождения капитализма и его последующего развития, возникновения рабочего движения и нарастающего классового конфликта; именно такого рода анализа все еще требуют новые обстоятельства" [3, p. 98]. Он заканчивает книгу все тем же осторожным замечанием, как и приведенные выше отрывки: "...в период *fin de siècle* происходит слияние образов будущего. Все еще довольно сильны требования со стороны индивидов и групп большего равенства экономических и социальных условий, большей демократии, особенно в смысле большего участия во всех процессах "производства общества".

Но как следует удовлетворять эти потребности? Опыт социалистических стран показал, что путь к "бесклассовому" обществу не прямой и не гладкий и что на этом пути могут также возникать новые классы и элиты, равно как и диктаторские режимы. Поэтому стало относительно легче представлять преимущества динамического и демократического капитализма, несмотря на многочисленные формы неравенства и экономическую неопределенность; и соответственно труднее обрисовывать в понятиях, соответствующих настоящему времени, структуру общества нового типа. Противоположность классовых интересов в капиталистическом обществе — между собственниками капитала и неимущими, господствующими и подчиненными, "теми, кто живет в сиянии, и теми, кто живет во тьме" — не проявляется теперь так явно в классовом конфликте, и политическое выражение этих интересов впредь будет более существенно, чем раньше, зависеть от того, как истолковывается альтернатива капитализму, а затем внедряется посредством критического обсуждения в свете опыта проведения различного рода политики. Это тем более необходимо отметить, учитывая экономическую структуру социалистического общества" [3, pp. 110-111].

Одну из своих последних законченных работ — второе издание "Политической социологии" — Том заключает словами: "В любой научной социальной теории есть компонент, который Шумпетер называет "видение", и который можно также представить как основополагающие идеи парадигмы, определяющие фокус внимания и выбор проблем для анализа. Изложенный мной взгляд на глобальную политику опирается отчасти на такую парадигму, в которой особенно важно противоречие между капитализмом и социализмом, на протяжении двадцатого века игравшее значительную роль. Это противоречие присуще также отношению между социальными процессами и политикой, в

котором либо возрастало, либо уменьшалось неравенство как внутри отдельных обществ, так и в мире в целом. Я думаю, значение этого противоречия возрастет, если социалистические движения смогут выразить более точно, убедительно и вдохновенно свои представления об альтернативной, жизнеспособной экономике, о новом мировом социальном порядке. Эти представления станут реалистическим идеалом, постепенно осуществляемым в изменяющихся условиях" [10, p. 109].

Таким образом, взгляды Тома на социализм не были ни фундаменталистскими, ни в духе *Realpolitik*, а, скорее, осторожными, подверженными ошибкам и открытыми для новых идей, например, феминистских или экологических. Его социализм определялся эгалитаристским настроем, поражавшим всех, кто его знал, и выступавшим стержнем его личности. Подобно многим людям на Западе, он предпочитал рациональный, децентрализованный и самоуправляемый социализм государственно-централизованному. Но он никогда не поддавался легкому соблазну, как многие западные социалисты, отвергающие "реально существующий социализм", будто бы он не имеет отношения к их собственным интеллектуальным и политическим проектам. Он всегда оставался недвусмысленным и честным, будучи приверженным обоим призваниям — науке и политике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личный дневник Т.Боттомора, введение к разделу 1949-1950 гг.
2. Bottomore T. *La Mobilite sociale dans la haute administration francaise* // *Cahiers internationaux de Sociologie*. 1952, v. 13.
3. Bottomore T. *Classes in modern society*. 2nd.edn. London: Routledge, 1991.
4. Bottomore T. *Elites and society*. 2nd edn. London: Routledge, 1993 .
5. Bottomore T. *Critics of society*. London: Allen & Unwin, 1967.
6. *Interpretations of Marx* / Ed.by T.Bottomore. Oxford: Blackwell, 1988.
7. Bottomore T. *Sociology as social criticism*. London: Allen & Unwin, 1975.
8. Bottomore T. *Sociology and socialism*. Brighton: Wheatsheaf,1984.
9. *Austro-Marxism* / T. Bottomore, P. Goodeeds. Oxford: Clarendon Press, 1978.
10. Bottomore T. *Political sociology*. 2nd edn. London: Pluto Press, 1992.
11. Hilferding R. *Finance capital/* Transl. a. introd. by T.Bottomore. London: Routledge&Kegan Paul, 1981.
12. Lowith K. *Max Weber and Karl Marx*. London: Allen & Unwin, 1982.
13. *A dictionary of Marxist thought* / Ed. by T.Bottomore. 2nd edn. Oxford: Blackwell, 1991.
14. *The Blackwell dictionary of twentieth-century social thought* / Ed. by W. Outhwaite & T. Bottomore. Oxford: Blackwell, 1993.
15. Bottomore T. *The Frankfurt School*. Chichester: Ellis Horwood, 1984.
16. Bottomore T. *Theories of modern capitalism*. London: Routledge, 1985.
17. Bottomore T. *The socialisfeconomy: theory and practice*. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1990
18. *The capitalist class: an international study* / Ed.by T.Bottomore & R.Brym. Hemel Hampstead: Harvester Wheatsheaf, 1989.
19. *Theory, Culture and Society*. 1989, v.2, N.6.
20. Дневниковая запись от 23 января 1988 г.
21. KolakowskiL, Hampshire S. *The socialist idea: areappraisal*. London: Weidenfeld&Nicholson, 1974.